

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Latein und Indogermanisch. Akten des Kolloquiums der Indogermanischen Gesellschaft, Salzburg, 23–26 September, 1986. Hrsg von Panagl O. und Krisch T. Innsbruck, 1992. 415 S.

Рецензируемая книга содержит материалы коллоквиума Индогерманского общества, состоявшегося в Зальцбурге в сентябре 1986 г., но опубликованные только в 1992 г. По словам издателя тома О. Панагла, это время не пропало даром, т.к. тексты многих докладов были значительно расширены их авторами, специально для этого издания была написана статья Р. Шмиттом, и книга поэтому выходит за рамки непосредственного воспроизведения докладов симпозиума, и представляет "значительный и весомый документ, свидетельствующий об уровне современных исследований латинского языка". В коллоквиуме принимали участие известные лингвисты из Австрии, Германии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Израиля и США. Опубликовано 29 докладов, которые охватывают широкий круг проблем, актуальных для современной лингвистики, и сгруппированных тематически по разделам: Фонология. История фонем; Морфология. Имя. Глагол; Синтаксис; Этимология. Лексикология. Ономастика. Тема коллоквиума: "Латынь и индоевропейский" предполагала, как отмечает Х. Рикс, обязательство сравнивать две грамматики, праиндоевропейскую и латинскую, в целом или в подсистемах, и точно так же, как каждая реконструкция должна быть проверена сопоставлением с праиндоевропейской грамматикой, и каждое новое объяснение языкового явления должно рассматриваться на фоне развития всей подсистемы (с. 224). Все работы представляют собой законченные исследования со своей проблематикой, своим подходом к языковому материалу и библиографией, отражающей наиболее значительные работы в каждой отдельной области латинского и индоевропейского языкознания.

Две публикации (Э. Риш, К.Х. Шмидт)

вынесены за рамки указанных разделов. Очень интересный доклад Э. Риша "Индоевропейские основы латыни" служит введением в проблематику всего коллоквиума. Автор подчеркивает, что определить отношение латинского языка, столь хорошо известного, к реконструируемому праиндоевропейскому языку трудно, главным образом потому, что о соседних языках известно мало и не ясно, объясняются ли сходства латинского и итальянских языков их общим происхождением из "праиталийского" языка или их взаимным многовековым влиянием внутри языкового союза. В статье К.Х. Шмидта рассматривается дискуссионный вопрос, обоснованы ли сходства латинского и кельтских языков тем, что они относились к одной генетической группировке языков, или генетическое родство сочеталось с рано установившимися ареальными связями. Автор склоняется к последнему решению (ср. [1]).

В разделе "Фонология" две работы: Статья Х. Айхнера "Индоевропейская система фонем и история фонем латинского языка", имеющая в основном методологический характер, и статья Г. Хенигсвальда, посвященная нерешенному до сих пор вопросу о слоговых границах и ослаблении гласных в латинском языке. Анализируя слова, содержащие группу согласных *muta cum liquida*, Г. Хенигсвальд обращает внимание на имеющееся у них противоречие: начальное место ударения в слове, например, *cōnsecrat* определяется кратким предпоследним слогом (т.е. слоговые границы *cōn-se-crat*), но ослабление этимологического гласного *a > e* (ср. *sacrāre* – *cōnsecrāre*) проходило лишь в закрытом долгом слогом (т.е. слоговые границы *cōn-sec-rat*). Автор предлагает новое решение этой загадки,

интересовавшей еще античных филологов, доказывая, что к тому периоду, когда начался процесс ослабления гласных в средних слогах, решающим фактором изменения была старая морфемная граница. Поэтому изменение гласного в основе **sbi-sac-r-ā- > cōnsecrāre* было иным, чем в основе, например, **reco-proco- > iscrisus*.

В разделе "Морфология. Имя" большая работа Г. Клингеншмитта посвящена именной флексии в латыни. На основе сравнения латинских типов склонения с оскским и умбским материалом, а также данными других древних индоевропейских языков, автор анализирует алломорфы падежных окончаний, реконструирует парадигмы типов склонения в праиндоевропейском языке, в прайталийском языке, в латинском и оскско-умбском. Он изучает также различные возможные объяснения происхождения падежных окончаний и флексивных типов, попутно исследует этимологии многих слов. При рассмотрении каждого отдельного типа склонения Г. Клингеншмитт выделяет один или несколько основных нерешенных или спорных вопросов, так в I склонении: происхождение имен мужского рода; во II склонении: происхождение и первоначальное функциональное различие окончаний генитива ед.ч. **-osio*; и **-ī*. В III скло-

нении: причины утраты самостоятельности флексивного класса основ на *-i-* и класса консонантных основ; в IV склонении: количественная характеристика конечного *-i* в форме номинатива-аккузатива ед.ч. имен среднего рода; в V склонении: происхождение основ на *-ē-* и на *-iē-*. Очень интересно предлагаемое автором объяснение происхождения окончания *-ī* генитива ед.ч. основ на *-o-*. Г. Клингеншмитт доказывает, что оба латинских окончания генитива ед.ч. (**-osio*; и **-ī*) являются продол-

жением индоевропейских окончаний. Сравнивая латинское окончание **-ī* с тохарским идентичным окончанием **-ī* генитива ед.ч. основ на *-o-*, он определяет первичную функцию и область распространения форм на **-ī*; обозначение родственной принадлежности, т.е. "сын (чей) – NN" или "отец (чей) – NN". Автор приходит к выводу, что форма на **-ī* изначально входила в парадигму личных имен. Сопоставляя затем окончание генитива **-ī* с древнеиндийским словообразовательным суффиксом **-ih-*, обо-

значающим принадлежность (ср. *rātha-* "повозка"; *rahi-* "возничий"), Г. Клингеншмитт отмечает помимо сходства значений общий формальный признак: отсутствие **-o-* в исходе основы перед **-ī* или **-ih-*. Это позволяет автору предполагать историческую связанность той и другой формы и видеть в форме на **-ī* (**-ih*) реликт дофлексивного периода праиндоевропейского языка.

В том же разделе "Морфология. Имя" еще две статьи. Ю. Унгерман исследует процесс формирования корневых имен в латыни. Отмечая, что формальная модель односложного слова была унаследована от праязыка, он показывает, что ряд индоевропейских корневых слов подверглись в предистории латинского языка расширению за счет присоединения основообразующего согласного или гласного, а также суффикса. Довольно большое число латинских односложных слов восходят к индоевропейским двухсложным словам или представляют собой новые лексические единицы. Автор исследует семантическую организацию латинских односложных слов и показывает, что частично они продолжают использоваться в области, унаследованной от праязыка, обозначая животных, части тела, день и ночь, частично же принадлежат к другой области, отражающей "архаичную программу жизни древнего Рима" (с. 152).

Теоретические принципы исследования изменений по аналогии в синхронии и в диахронии – необходимость учета множественности факторов изменения, рассмотрение аналогических процессов в области именной флексии, которые проходили от общиндоевропейского языка ко времени становления латинского языка, – составляют содержание доклада Т. Криша.

Раздел "Морфология. Глагол" представлен тремя публикациями. Следы акростатического презенса в латинском языке прослеживает Л. Изебаэрт, исследуя глагольные и именные формы с долгим гласным в корне. Г.-Д. Поль обращается к неоднократно дискутировавшейся проблеме происхождения имперфекта на *-bā-* и будущего на *-b-* в латинском языке [2]. Подвергнув критике принятую большинством ученых композиционную теорию происхождения форм на *-bā-* (**-bhūā-*), он предлагает новое

объяснение, усматривая в суффиксальном *-b-* элемент "устранитель хиата". Интерпо-

ляция такого *-b-* имела место в формах претерита с и.е. суффиксом **-ā-* например, **daūt → dabat* и в формах будущего времени, которые были продолжением и.е. кратко-вокалического конъюнктива, например, **tīt → ībit*. Появлению элемента *-b-*, устраняющего хиа в формах глагола, способствовало, по мнению автора, аналогическое влияние отглагольных образований, включающих в состав суффикса *-b-*, (*fabula, flābrum, amābilis*).

Одним из трудных и нерешенных вопросов морфологии латинского глагола является вопрос о происхождении перфекта на *-vī*, который рассматривается в работе Х. Рикса "К происхождению латинской парадигмы перфекта". Х. Рикс связывает вопрос о происхождении перфекта на *-vī* с другим не менее спорным вопросом о происхождении элемента *-is/-er-*, участвующего в образовании многих форм подсистемы перфекта, и рассматривает происхождение сегмента *-vis-* в формах (например, 2 л.ед.ч. *portāvistī*). Согласно гипотезе Х. Рикса, перфект на *-vī* сформировался в классе деноминативных глаголов, которые не имели корневого перфекта, но в функции перфекта использовалась перифраза: причастие перфекта действительного залога на **uōs/-is-* в сочетании с формами глагола "быть", например, у глагола *portāre* форма 1 л.ед.ч. **prīā-uōs esmi*, 1 л.мн.ч. **prīā-uōses smes*. Допуская несколько фонетических и морфологических преобразований этой исходной структуры, автор приводит ее к такому виду, в котором можно выделить сегмент *-vis-*. Таким образом, в формах, содержащих слог *-vis-* (ср. *portāvistī, portāvisse* и др.), по утверждению автора, нет и следа сигматического аориста, с которым многие лингвисты связывали происхождение элемента *-is/-er-* [3, 4]. Но в так называемых "кратких" формах перфекта (например, *portāstī, portāstis, portāvunt* и др.) Х. Рикс признает происхождение *-s-* из сигматического аориста (с. 227 и сноски 21 и 22). Таким образом, по теории Х. Рикса, в латинском языке имеются две различные по происхождению парадигмы: "полные" формы перфекта на *-vī*, которые развились из перифрастического перфекта, и "краткие" формы по происхождению из сигматического аориста. При всей привлекательной

простоте этого решения оно не бесспорно. Столь характерный для многих веков истории латинского языка параллелизм "полных" и "кратких" форм, с одной стороны, отсутствие форм 1 и 3 л.ед.ч. и 1 л.мн.ч. в парадигме "кратких" форм, с другой стороны, наконец, архаизм смешанной парадигмы типа *nōvī, nōstī, nōvīt*, подтверждаемый сравнительным материалом тохарского, хеттского и отчасти венетского языков [5] вынуждают предполагать более сложный путь развития этих форм в предистории латинского языка.

В разделе "Синтаксис" три работы, в которых исследуется конкретный материал, относящийся к грамматике падежей и к структуре латинского предложения как простого, так и сложного. Генитив, проблема его происхождения, древнейшей семантики и функционирования в латинском языке являются предметом исследования Г. Серба. Анализируя синтагмы типа гомеровского *ὄλκτῳ κρέον* "изжарить мяса" и раннелатинского *infundito aquae* "пусть польет воды", автор показывает, что такой партитивный генитив отличается от остальных падежей тем, что их окончания указывают на синтаксическую функцию слова в предложении, когда как партитив дает кватитативное определение (с. 289). По мнению Г. Серба, эта партитивная форма должна быть отнесена не к падежам, но к формам, не имеющим синтаксического значения, а характеризующимся значением квантитативным, как формы единственного числа (целостность), двойственного, множественного числа. В своем происхождении партитив, обозначая предмет как часть целого, относится к периоду предистории общиндоевропейского языка, когда еще не сформировалось склонение. Приемное употребление генитива, столь характерное для него в отдельных индоевропейских языках, может быть выведено, по утверждению Г. Серба, из более раннего приглагольного употребления.

Работа Х. Розен посвящена проблеме пролепсиса в латинском языке. В статье, построенной на большом текстовом материале доклассической и классической латыни с привлечением типологически сходного кельтского материала, дается определение пролепсиса, выявляется его функция в предложении — объявление темы сообщения — рассматриваются различные виды пролепсиса в латинском языке.

Г. Хеттрих на основе сравнения систем

условных предложений в ведийском и гоме-ровском греческом языках реконструирует модель условного предложения в общеиндоевропейском языке, опираясь на которую исследует путь образования типов условного предложения в латинском архаическом и затем классическом языке, когда только окончательно сложился тип ирреального условного предложения.

В последнем разделе сборника "Этимология. Лексикология. Ономастика" шесть статей. Четко изложенная, со множеством примеров статья Б. Форсмана, имеющая в основном методологический характер, представляет интерес для всех, кто занимается этимологическим исследованием и, в частности, этимологией латинских слов. Работа О. Семереньи посвящена исследованию происхождения ряда латинских слов. Он анализирует три группы слов: 1) значившиеся в этимологических словарях как слова "*d'origine incertaine*", 2) слова, которые казались этимологически прозрачными, но относительно структуры которых оставался ряд невыясненных вопросов. Среди них такие широко употребительные слова, как *prīdie* "накануне", *hēres* "наследник", *sollemnis* "ежегодно празднуемый", *September* — *December* и др. 3) слова, появившиеся в латыни как кальки с греческих слов. Автор показывает, что, например, лат. *antiquus* в своих значениях "древний, лежащий впереди", а в формах сравнительной и превосходной степени "предпочтительный, более значительный" сохраняет семантику греч. πρῶτος. Очень интересно происхождение латинского термина *res publica*, имеющего огромное значение для всей мировой истории. Как показывает О. Семереньи, этот термин есть калька с греческого слова δημοσιον "государство", которое представляет собой форму среднего рода прилагательного δημοσιος "принадлежащий народу". Так как в Риме соответствующее прилагательное в форме среднего рода *publicum* уже использовалось в значении "государственная собственность", то греч. δημοσιον в нужном специальном значении было передано латинским словосочетанием *res publica*. Возникновение этого термина относится, по мнению Семереньи, ко времени падения царской власти в Риме и отражает установления греческого демократического полиса.

О. Панагль в своем докладе рассматривает некоторые специальные проблемы

латинского словообразования. Так проанализировав причастие на *-to-* и отыменное прилагательное на *-to-*, он приходит к выводу о категориальном переходе этого образования от имени к глаголу. Автор выделяет промежуточную фазу в истории латинского языка, когда в качестве конкурирующих форм выступали причастие на *-to-* и прилагательное на *-bilis*, употреблявшееся в тексте Плавта в функции причастия пассивного залога. Он отмечает двойственность залогового значения причастия на *-to-*, имеющего и пассивное и активное значение, например, *tacitus* "молчащий", что не получило еще окончательного объяснения.

М. Йоб исследует в рамках теории речевого акта латинские перформативные глаголы и ставит вопрос о возможности реконструкции лексической микросистемы таких глаголов.

Композитам с *co(n)-*, рассматриваемым в функциональном и сравнительном плане, посвящена статья Х. Розена, в которой он доказывает, что приписываемая превербу социативно-комитативная функция появилась лишь на последнем этапе республиканской латыни, в доклассической же и классической латыни функция преверба *co(n)-* состоит в том, что он придает глаголу терминативное значение и меняет валентность глагола.

В большой работе "Индоевропейская и древняя латинская система личного имени" Р. Шмитт исследует процесс формирования трехчленной системы латинского личного имени, радикально отличающейся от индоевропейской ономастической системы, которая построена на принципе идонима (ἰδιον ὄνομα). Автор показывает, что у разных народов средней Италии, в том числе у этрусков, в I тысячелетии до н.э. были обязательны два имени: личное имя (*praenomen*) и имя рода (*nomen gentile*), т.е. эта система не связана с языковым родством. Третье дополнительное имя (*cognomen*), появившееся в 5–4 веках до н.э. в патрицианских родах, было в отличие от родового имени первоначально так же личным именем, как и *praenomen*, ставшее необходимым для идентификации отдельного лица в сильно разросшихся родах. Р. Шмитт подчеркивает, что в этой системе личного имени центральным именем и основным новшеством является имя родовое (*nomen gentile*). Исторически оно восходит к имени первого в роду *pater familias*. На

основании лингвистического исследования автор приходит к выводу, что эта ономастическая система возникла в городе Фалерии и оттуда была перенесена в другие города к другим народам средней Италии.

В заключение следует сказать, что авторы статей сборника, ведущие лингвисты, дали пример того, как тщательное исследование латинского материала с привлечением сравнительных данных других индоевропейских языков может привести к новой интереснейшей интерпретации различных, порой загадочных явлений языка и тем служить прогрессу современной лингвистики и филологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bednarczuk L.* The Italo-Celtic hypothesis from the Indo-European point of view // *Proceedings of the first North American Congress of Celtic studies* / Ed. by MacLennan G.W. Ottawa, 1986.
2. *Monteil P.* Éléments de phonétique et de morphologie du latin. P., 1970. P. 327–328.
3. *Leumann M.* Lateinisches Laut-und Formenlehre. München, 1977. S. 608.
4. *Safarewicz J.* Historische lateinische Grammatik. Halle, 1969. S. 233.
5. *Bader F.* Flexions d'aoristes sigmatiques // *Étrennes de septantaine. Travaux de linguistique et de grammaire comparée offerts à Michel Lejeune*. P., 1978.

Б.Б. Ходорковская

Haspelmath M. A grammar of Lezgian. B.; N.Y.: Mouton-de Gruyter, 1993. XX + 567 p.

Лезгинский язык нельзя отнести к числу малоизученных; прежде всего это один из немногих литературных языков Дагестана, и в силу своего статуса он, по крайней мере минимальным образом, "лингвистически обслужен" (тексты, словари, учебные пособия и т.п.); этот язык был объектом немалого числа монографических описаний, начиная еще от грамматики П.К. Услара (1896) и включая очерки Л.И. Жиркова (1941), Б.Б. Талибова и М.М. Гаджиева (1966), У.А. Мейлановой (1967) и др. Материал лезгинского языка в разные годы использовался многими кавказоведами, типологами и теоретиками, от Н.С. Трубецкого до Л. Ельмслева; в совсем недавнее время лезгинские данные сыграли особую роль в обсуждении проблем эргативности (кстати, с участием автора данной книги: см. прежде всего [1–2]; ср. также [3]). Вместе с тем, конечно, и этот язык еще ждет своего исчерпывающего описания: существующие публикации лишь облегчают путь к составлению такого описания, но отнюдь не заменяют его.

Общезвестно, насколько болезненной является в лингвистике проблема создания хороших описательных грамматик: удачи в

этой области можно буквально пересчитать по пальцам. Однако книга М. Хаспельматта, похоже, может претендовать на то, чтобы считаться счастливым исключением в этом трудном, неблагодарном жанре.

Ключевое слово для характеристики этой книги – основательность. Автор спокойно, неторопливо, на протяжении пятисот с лишним страниц ведет читателя лабиринтами структуры лезгинского языка (кто занимался языками Дагестана, знает, что "лабиринты" – это отнюдь не метафора), ничего не забывая и, хочется сказать, не теряя хладнокровия. При этом изложение организовано таким образом, что интересы читателя оказываются соблюдены в максимальной степени. Прежде всего, книга полностью свободна от теоретической "аггажированности" – ни в терминологии, ни в общей концепции изложение не связано с какой-либо одной "школой" и равно доступно любому грамотному профессионалу. Вместе с тем, автора нельзя и упрекнуть в эклектичности: немногие базовые термины отобраны весьма тщательно, и чувствуется, что автор обладает продуманной лингвистической концепцией, которую лишь из уважения к жанру оставляет за рамками изло-